Как-то меня попросили поделиться прошлым. И вот тогда-то среди всего прочего вдруг воскрес в моей памяти вой ездовых собак, сидящих на привязи. Вой, который пробуждал у меня, как я теперь понимаю, то первобытное приобщение к Природе, которого все меньше и меньше остается у человека. Ибо на сегодня даже среди коренных коряков мало найдется таких, кто еще застал и помнит настоящий собачий вой. Не лай, а стон, вопль, отчаяние собачьей души.

Итак – зима. Декабрь, январь или февраль. Время – ближе к 10–11 часам ночи. Полная луна и абсолютное, безмерное и безвременное «белое безмолвие». И вдруг первый собачий голос. Еще не вой, а только проба голоса. Иногда даже несколько виноватая – а не рано ли? – по тональности. Но вот раздается второй голос. К ним присоединяется третий, четвертый. И вскоре весь поселок тонет в разноголосице собачьих голосов. Однако и это еще не вой. Это всего лишь, выражаясь по-человечьи, спевка, подгонка голосов, улавливание общего настроя и постепенное приближение к апофеозу.

Но вот наконец все голоса сливаются в один. Да, при желании в нем можно было услышать и некоторые непопадания в общий тон, и голоса «солистов». Но тем не менее это уже одна общая мелодия, лишь иногда подчеркиваемая отдельным сольным воплем. Которая вскоре – на пике – окончательно становится единым стоном. Стоном зверей, вынужденных служить человеку. Благодарных ему за его заботу. И негодующих на то, что они стали зависимы от него. И вот, когда они в очередной раз вспоминают, что они потеряли, придя к человеку, эта песня превращается в один, до мороза по коже, горестный вопль.

Впрочем, ближе к весне в этой песне появляется менее грустная тональность. А иногда и откровенно веселые соло отдельных исполнителей.

Но это уже не завораживает и не затягивает так, как стон посередине зимы.

Слушать это можно было бы часами. Но даже выносливым полудиким псам такое напряжение дано выдерживать не более получаса, а чаще 15–20 мин. И вот ближе к концу этого срока, достигнув своего пика, стон, хотя он и оставался по силе прежним, как бы надламывался. Вернее, происходило нечто похожее на смену регистра при игре на органе. И мелодия вроде бы та же, и мощь звука не меняется, а то даже и

возрастает. Но звучание и настроение – несколько другие. Так и в стоне собачьих голосов уже не вселенская скорбь, а примирение со своей собачьей долей. Вслед за этим начинается снижение звука, постепенное отключение голосов, отдельные всплески прежнего экстаза и, под занавес, единичный взлай еще не совсем успокоившихся зверей. И в конце концов снова наступало бесконечное безмолвие.

К чему все это? Да к тому, что я, внук потомственного дворянина, предки которого сотни лет жили на давно освоенной территории Средней Руси, для этой стаи не был чужим. Нет-нет, я даже и не пытался подвывать им. Просто я вместе с ними невольно приобщался к тому, что стоит вне понимания. Не к богу, не к «вселенскому разуму», а к беспредельности.

Кстати, очень жаль, что в те поры не было возможности записать эту мелодию. Нет тех собак и уже, пожалуй, не будет. Ибо сейчас даже самые лучшие в мире ездовые собаки из тех полудиких псов, что, добросовестно натягивая алыки (собачью упряжь), исполняли свою часть общей работы, без которой было не выжить, превратились в партнеров по спорту. А это совсем не то партнерство. И это совсем не те собаки. Ибо современные собаки настолько очеловечились, что я откровенно радуюсь, что они (пока?) не научились говорить – уж очень много нелицеприятного наслушались бы мы, человеки, в свой адрес.

Осенью 1942 г., в возрасте полутора лет, я оказался в малюсеньком национальном селеньице Корн, состоящем примерно из 20–22 жалких домишек, где обитали 30–40 едва-едва приобщенных к цивилизации взрослых коряков и несколько русских, десятка четыре корякских и трое (вместе со мной) русских детишек разного возраста. Лукавить не стану, имен их я не помню.

Но в памяти отчетливо сохранилось, что когда нас в очередной раз отмывали, то мы – белобрысики – вдруг становились как бы чужими среди маленьких корячат. Впрочем, уже через пару часов мы вновь были такими же чумазенькими, как и наши черноволосые и черноглазые друзья. Тем более что и одеты мы были как они, в кухлянки, и обуты – в торбаса. Да и по-корякски мы говорили ничуть не хуже их. Куда только девалось затем это знание практически родного языка? Обидно...

А в придачу ко всему этому в поселке было около полутора сотен полудиких собак, наполняющих атмосферу лаем днем и слаженным хором исполняющих свою мелодию в

длинные зимние ночи. А вокруг беспредельная, с высоты тогдашнего моего возраста и роста, тундра, накрытая сверху бездонным колпаком неба.

Четыре года я жил почти первобытной жизнью. И не в гости я ходил к моим корякским друзьям, а с утра до ночи пребывал с ними. Я играл с ними в их игры, слушал рассказываемые им сказки и песни, которые им пели, ел их пищу. И вместе с ними в свои пять лет посильно помогал взрослым во время летней рыбалки, которая осуществлялась прямо тут же, под уступом речной террасы, на краю которой стоял поселок. Так сформировалась первая – и лучшая – половина моего «Я». Та половина, которая и до сих пор побуждает меня уходить в горы. Где, в отличие от профессиональных геологов, лесников и тому подобных специалистов, я просто живу. Хотя и вынужден выполнять при этом часть общей работы.

Но вернусь к самим собакам. И приведу воззрения некоторых ученых на происхождение и физический облик камчатской ездовой собаки. И первое слово предоставлю Стеллеру.

«Из прирученных камчатских животных, как по давности прирученности, так и по приносимой пользе, первое место должно быть отдано собакам, которые одни только и составляют класс камчатских ручных животных. Никто не может обойтись без них, как в других местах никто не может жить без лошадей и крупного рогатого скота. На Камчатке существует, собственно, только один вид собак, ничем, впрочем, не отличающихся от русских деревенских дворняг или черемицких и вотяцких псов как по росту, так и по внешнему виду; между тем трудные условия жизни, принимаемая пища и характер воспитания совершенно изменили их привычки (камчатские собаки считаются самыми выносливыми и быстрыми во всей Сибири; их ценят за то, что они довольствуются простою и легко добываемою пищей, именно рыбою). Камчатские собаки бывают преимущественно троякого цвета – белого, черного и волчье-серого, при этом они очень толсты и обладают длинною шерстью», – пишет исследователь.

И дополняет: «Силе этих псов нельзя не надивиться в достаточной степени. В сани обычно впрягают только по четыре собаки, которые проворно везут трех взрослых людей с полутора пудами багажа; обычная кладь, полагающаяся на четырех собак, равна 5–6 пудам. С небольшой кладью один человек при плохой погоде и глубоком снеге в состоянии проехать за день от 30 до 40 верст, а по хорошему пути от 89 до 140».

Крашенинников к сказанному Стеллером добавляет: «Камчатские собаки от

крестьянских ничем не разнствуют. Шерстью бывают наибольше белыя, черныя, черно-пестрыя и как волк серыя, а красных и других шерстей примечено меньше. Впрочем, почитают их за самых резвых и долговечных в рассуждении собак других мест, для того, что они питаются легким кормом – то есть рыбою».

Более полное описание камчатской собаки дал Г. Лангсдорф в начале XIX в.

«У камчадальских собак острая, выступающая вперед морда, заостренные, прямо торчащие уши, длинный, сильно волосатый, лохматый хвост; по своей наружности, телосложению, размерам, взгляду и по самому образу жизни они очень схожи с волками и во многом напоминают наших так называемых шпицев (порода собак) и немецких овчарок.

Кожа покрыта либо гладкими короткими, либо мохнатыми длинными волосами, а на шкуре – настоящей шерстью, длинной, нежной, мягкой, которую бы можно было бы так же хорошо прясть, как и овечью, если ее тщательно собрать, промыть и обработать. Тех собак, у которых вот такие шерстеподобные и длинные мохнатые волосы, называют общим именем вельможи или волосатые, и их шкуру ценят преимущественно как теплый мех и оторочку для одежды.

Этот вид собак в большинстве своем проблематичен для упряжки и часто едва может использоваться при свежевыпавшем и глубоком снеге, так как мягкий снег набивается между волосами, замерзает и мешает собаке быстро бегать. Длинноногие и тонковолосые собаки особенно подходят для легкой упряжи. Встречаются отдельные собаки, которые, как и наши, лают, но большинство просто воют и только изредка лают. Масть довольно разнообразна, есть черные, белые, серые, рыжие, и на этих окрасах возможны пятна.

Круглый год они живут под открытым небом, ни разу не заходя в жилище или сарай. Летом они роют себе ямы в земле, чтобы было прохладнее лежать, а зимой таким же образом прячутся в снегу, чтобы укрыться от холода...

Вообще, лучшими считают тех собак, у кого мощный скелет, высокие и широкие лапы, прямостоящие, длинные и острые уши, выступающая вперед заостренная морда,

откинутая назад мощная голова и широкая грудь».

Лангсдорф же добавил к морфологической характеристике камчатской ездовой собаки оценку ее физических качеств – силы и выносливости.

«Число собак, которых запрягают в нарту, частично зависит от груза, который необходимо доставить из одного места в другое, частично от добротности собак и состояния дороги или санного пути, В легкую нарту с одним человеком и небольшим багажом требуется 4–5 собак, чтобы быстро доехать. Шесть собак могут с легкостью везти от 14 до 15 пудов или 640 фунтов по хорошей дороге. Если нужно увезти более тяжелый груз, то необходимо запрячь больше собак.

На обычных почтовых собаках за один час преодолевают 10–12 верст, а на хороших ездовых собаках – 15–20 верст, Это возможно при условии хорошей санной дороги и непродолжительного времени поездки. На очень хороших собаках можно, не меняя их, за два раза по 24 часа проехать 200 верст и за три дня самое большее 300 верст, но затем необходим отдых».

Существенно дополняет сказанное описание известного русского мореплавателя В. М. Головнина: «По большей части камчатские собаки шерстью белые, потом более черных и серых, прочих же шерстей, в сравнении с сими тремя, немного. На суках весьма редко здесь ездят, и все собаки, употребляемые в езде, бывают всегда кладеные. Холощение над ними производят, когда они еще щенятами. И с того времени привязывают их к длинным гибким шестам, воткнутым в землю, так что когда щенок рвется, то и шест нагибается, потом опять по упругости своей принимает прежнее положение. И такой щенок, будучи на привязи, приучается уже возить тяжести; когда же достигает он совершенного возраста, тогда запрягают его в санки вместе со старыми, приученными к езде собаками и ездят недалеко. Тогда-то мальчишки возят на них воду, дрова и пр., а потом уже и в дальнюю дорогу начинают употреблять; прежде же нельзя на них далеко ездить, потому что они, будучи горячи, тянут изо всей силы и скоро надрываются».

Интересные сведения о камчатской ездовой собаке сообщил старший ветврач Г. Садовский, участник Анадырской комплексной экспедиции Министерства сельского хозяйства РСФСР, в статье «Больше внимания ездовому собаководству», опубликованной в газете «Камчатская правда» в 1955 г. Так, говоря о наиболее существенных качествах камчатской ездовой собаки, он указывает, что для этой породы

собак характерна вытянутая форма тела, ибо собак, у которых длина тела равна высоте, хотя и отличаются большей резвостью, однако слабосильны и менее выносливы. Другим характерным признаком камчатской ездовой, по его мнению, считается массивность груди и холки, а также передних лап, спины и поясницы за счет мощного скелета и хорошо развитой мускулатуры. Морда у камчатской ездовой собаки также массивна, волчьего типа, хотя и несколько короче, чем у волка. Глаза небольшие, косо поставленные (внешние углы глаз выше внутренних), коричневого цвета. Зубы крепкие и плотно прилегающие к челюстям.

Еще одна особенность камчатской ездовой собаки, подкрепляющая, по мнению Садовского, ее родство с волком, – наличие под челюстью или на щеках кожных бугорков (бородавок), а также пятого пальца на задних лапах.

В целом же, продолжает ветврач, камчатскую ездовую характеризует развитость передних лап, их ширина, мускулистость и наконец наличие у мякишей пальцев умеренно короткого, густого и жесткого волосяного покрова. В классическом варианте образуются своеобразные «щетки», обеспечивающие устойчивость при беге по скользкой поверхности (на льду), а также они предохраняют подошвы лап от стирания.

Хорошо развитый шерстяной покров типичной камчатской ездовой собаки отличается густотой, в том числе и за счет длинного подшерстка, равномерно покрывающего все тело. Масть собак самая разнообразная и для создания породного ядра особого значения не имеет. Однако опытные каюры в свое время предпочитали подбирать в упряжку собак разнообразной окраски, так как при длительных поездках глаза каюров при управлении собаками одной и той же или схожей масти очень уставали.

Ну и наконец при воссоздании камчатской ездовой собаки, как указывает Садовский, одно из решающих условий – отбор животных со спокойным и уравновешенным характером, поскольку именно характер предопределяет быстрое и устойчивое закрепление у животных полезных навыков, которые в свою очередь слагаются под воздействием внутренних и внешних факторов.

Что же касается давности появления собаки в жизни аборигенов Камчатки, то судить об этом позволяют результаты раскопок верхнепалеолитического протоительменского поселения Ушки, располагавшегося на берегу одноименного озера (приуроченного к правому берегу р. Камчатка), где среди остатков жилища IV культурного слоя,

возрастом 10–11 тысяч лет, было обнаружено захоронение собаки. Иными словами, собака на Камчатке была одомашнена не позднее чем по крайней мере в Передней Азии, где остатки домашних собак так называемой натуфийской культуры относятся к IX–VIII вв. до н.э. Таким образом, Камчатка с полным на то правом может считаться одним самых первых центров одомашнивания животных на нашей планете.

Ну и напоследок немного о современном состоянии дел. Считается, что камчатская собака для езды была приспособлена 2–3 тысячи лет назад. Солидная биография. Однако, увы, сегодня камчатской ездовой собаки как таковой практически не стало; причем, уточню, деградация породы началась почти сразу же после появления русских на полуострове. Во всяком случае еще в самом начале XIX в. Лангсдорф отметил: «С сожалением камчадалы вспоминают времена своих предков, когда те могли проявлять особую заботу о разведении собак; щенков держали (до шести месяцев. – ***В. Б.***) в ямах под землей, их ежедневно кормил один и тот же человек. То есть эвон еще когда началось изменение (вслед за переменой обычаев самих аборигенов) камчатской ездовой. Ну а в наши дни антропологи и кинологи утверждают, что прежние знаменитые породы камчатских ездовых собак, описанные Г. Лангсдорфом и Л. Стейнегером, утеряны.

Правда, в последние два десятка лет на Камчатке были предприняты некоторые меры по восстановлению этой породы собак. В настоящее время не просто остается все меньше и меньше собачьих упряжек в селениях севера, но и исчезают типичные собаки. В связи с этим специалисты и теоретики разработали несколько проектов для сохранения породы, как и самих каюров. Одним из таких проектов являются соревнования собачьих упряжек на Камчатке – «Берингия», которые снова возвращают внимание камчатской публики к собачьим упряжкам.

Однако, добавлю от себя, вряд ли получится восстановить исконную породу камчатской ездовой собаки без возвращения к корням: к вливанию волчьей крови и к воспитанию щенков в тех же условиях, в которых воспитываются волчата (т. е. в норах). Или в ямах, как это делали коренные жители Камчатки 300 лет назад. Тем не менее в силу относительной сохранности естественной ландшафтно-экологической структуры региона таковое воссоздание заново классической породы пока еще возможно. Другое дело, что медлить с этим не следует.

Валерий Егорович БЫКАСОВ,

научный сотрудник Института

вулканологии и сейсмологии ДВО РАН